

К празднику старушки подготовились добросовестно. Матвеевна напекла пирогов: один — с брусникой, другой — с малиной, заправила доверху лампу, несколько раз помыла стекло, насухо вытерла его газетой. Нюра сделала запеканку с грибами, принесла домашней малиновой наливки.

Матвеевна села на своё привычное место под иконами, Нюра — напротив, поющий тоненьким голоском от не до конца прогоревших углей самовар поставили с краю стола, но так, чтобы до крана могли дотянуться обе.

— Ну, с Рождеством Христовым тебя, Нюра! — подняла рюмку с наливкой Матвеевна.

— И тебя с праздником!

Выпили, взяли по куску тёплой ещё запеканки.

— Первый раз мы вот так вдвоём-то Рождество отмечаем. Да ещё впотьмах.

— Да хватит тебе, Нюрка, плакаться-то! Всё ты чем-то недовольна. То пенсия у её маленькая, то вот, вишь ли, свет на зиму отключили.

— Дак, а чему радоваться-то? Вон летом, пока электричество было, по телевизору кажинный день только и говорили, что жить стало лучше, что больше половины людей считают, что живут счастливо. Матвеевна, скажи, а где оно, счастье-то? Вот остались мы с тобой в деревне вдвоём, ни свету, ни радива, ни дороги путной. Хорошо, Колька на своём тракторке-“Беларуси”

попроведать наежжак да ковшом дорогу разгребат, а то ведь случись что, никто к нам и не попадёт.

— А случись что, дак никто и не узнает, — поддакнула Матвеевна. — Телефон-то вон как зарядишь? Дак ведь сказал Степан осенью, что начальство распорядилось свет отключить, когда дачники разъедутся. Мол, нерентабельно линию обслуживать, когда у вас на двоих сто рублей в месяц нагорает.

— Вот-вот! — обрадовалась Нюра, что подруга её поддержала. — На всём экономят. Раньше пенсию домой приносили, а теперь самой в посёлок идти надо.

— Да, а зачем нам тут деньги-то? Всё одно автолавка только летом приезжат. Целее будут. Муки да сахару мы с тобой по мешку купили, кипрея на два года засушили, грибов да ягод до нового урожая хватит, наливка вон тоже своя, чо ещё надо?

— Да так-то оно так, просто обидно, что брошены мы с тобой тут всеми. Пока телефон работал, хоть дети да внуки с праздником поздравляли, а тут вон сидим, как две клуши. Ни звонков, ни писем, ни открыток поздравительных.

— Ну, и кто бы поперся пешком за десять километров тебе эти открытки сюда нести? — резонно спросила Матвеевна.

— Да, дак вот я и говорю.

— Не вспоминай лучше. Меня вон старшая ишло осенью, когда свет-то был, просила справку из сельского поселения взять, что я у её на иждивении. Она как на пенсию-то вышла, дак там каки-то льготы есть, если ишло иждивенцы имеются. А куда я с клякой-то? Да мне четыре километра до дороги не доковылять, да и там околеть можно, пока попутку ждёшь.

— Это как посмотреть, кто у кого на иждивении, — возразила Нюра. — Ты им пенсию-то, поди, целиком и отдаёшь.

— Да, а как иначе-то? Внуки вон ипотеку каку-то взяли, квартиру купили. Да и то, мыслимо ли дело, вшестером в двухкомнатной жили. А сама-то ты, разве мало своим помогаешь? И сено на продажу косишь, и из лесу всего полными корзинами таскаешь. Нам-то на двоих много ли надо?

— А чо бы и не таскать, коли лес вон за огородами начинается, — будто оправдываясь, вставила Нюра.

— Хорошо тебе, Нюрка, ты вон ишло молодая...

— Всего-то семьдесят пять, — со смехом перебила Нюра.

— Вот я и говорю, молодая ишло. Я же на десять годков тебя старше. Вот доживёшь до моих лет, поглядим... Ну, я-то точно не погляжу, но ты потом мои слова вспомни.

— Да хорошо бы в твои-то годы да этакое здоровье иметь. Ты вон одной картошки сколько растишь. А огород! Осенью внуки возами возят.

— А сама?

— Да, дак вот я и говорю, самим-то нам много ли надо. Всё им, всё им... Детушки бы сыты-обуты были. Тут летось-то по телевизору слышала, будто налоги на огороды вводить будут. Ну, на картошку там, на капусту и на всё, что растим. Денег в бюджете на пенсию не хватает, вот новый налог и придумали. Как потом-то жить будем?

— А я, знаешь, о чём всё больше и больше думаю? Прибрал бы Господь, чтобы без канители, чтобы не болеть. Не дай Бог, если слягу! Подумать — и то страшно! Кому я немощная-то нужна буду?

Матвеевна дотянулась до то и дело потрескивающей лампы, видать, Колька добавил в солярку бензина больше, чем надо бы, покрутила фитиль. И вдруг ахнула:

— Нюрка, ты погляди, что на улице-то творится! Озарило-то как всё! Да, дак это же Боженька всё небо-то озарил! — И трижды перекрестилась, повернувшись к иконам. Потом вдруг встрепенулась. — Нюрка, а не пожар ли случаем? Сбегай-ко на улицу, посмотри там. Да ходчее, что ты копаешься-то!

Нюра набросила привезённую дочерью изрядно потёртую по краям и на обшлагах норковую шубу, сунула ноги в валенки и вышла на крыльцо. На столбе посреди улицы ярко горел электрический фонарь. Не веря своим глазам, вернулась в дом и стала включать свет во всех комнатах. Казавшийся

до этого ярким свет настольной керосиновой лампы сразу стыдливо потускнел.
— Матвеевна, свет дали! — радостно, чуть не во весь голос закричала Нюра.

— Да сама вижу, не слепая, — скрывая вдруг выступившие слёзы радости, заворчала Матвеевна. — Сподобил Господь на Рождество Христово.

* * *

После работы Колька с мужиками хорошо отметили Рождество и пошли по домам, к жёнам и детям — продолжать праздновать. Колька завернул в магазин, взял бутылку и отправился в противоположную от дома сторону, где жил электрик Степан. На кухне выпили по стопке.

— Колька, ты же не просто так ко мне с бутылкой пришёл, — заеда солёным огурцом, прямо спросил Степан. — Говори прямо, что надо.

— Степан Иванович, дай бабкам свет. Пусть на Рождество порадуются.

— Ты, часом, не перебрал? — посуловел Степан. — Линия с осени отключена, мало ли там дерево где упало, провода оборвало, или что ещё.

— Да какое дерево, Степан Иванович?! Ветров-то совсем не было. Ну, сделай бабкам праздник.

— Да, поди, спят давно твои бабки, что им там в темноте-то делать?

— Ну, Матвеевна-то точно не спит. Наверняка сидит под иконами и свои церковные книги читает. Ну, включи рубильник! Я же тебе не отказываю, когда ты меня просишь то одно привезти, то другое. Ну, пойдём, а!

— Ну, ты, банный лист! Ладно, пойдём. Но учти, если что случится, меня премии лишат, ты её из своего кармана компенсируешь.

— Договорились, Степан Иванович! — обрадовался Колька и наполнил рюмки. — Давай за стариков наших!

Быстрым шагом дошли до подстанции.

— Лишь бы не коротнуло, — с тревогой в голосе сказал Степан и включил рубильник с надписью “Радужное”.

— Ну, не коротнуло? — с опаской спросил Колька.

— Коротнуло. Вот здесь, — и Степан большим пальцем правой руки постучал себя по груди в области сердца.